

Дело Ильи Романова. Хроника суда: день пятый

24.06.2015, 01:48 Нижегородская область

РЕПОРТАЖ

Дело Ильи Романова. Хроника суда: день пятый

По уголовному делу нижегородского анархиста Ильи Романова, обвиняемого в приготовлении к террористическому акту, покушении на публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, незаконном изготовлении, хранении, перевозке и ношении боеприпасов, продолжается допрос свидетелей.

22 июня выездная коллегия Московского окружного военного суда допросила в качестве свидетеля Сергея Ершова, который работал барменом в кафе неподалеку от места, где произошел инцидент со срабатыванием пиротехнического устройства в руках у анархиста в ночь 26 октября 2013 года. Он пояснил суду, что поздно ночью

в кафе пришел человек с окровавленными рукой и лицом, которому Ершов вызвал скорую помощь. Свидетель допустил, что пострадавший мужчина мог говорить ему о том, что получил травмы вследствие того, что у него в руках сработало взрывное устройство, как о том он говорил на предварительном следствии, однако в судебном заседании не смог вспомнить такого разговора. Сам Ершов взрыва не слышал, но об этом говорили все окружающие, поэтому он и сделал вывод, что пришедший человек пострадал от взрыва. По приезду полиции Ершов в качестве понятого участвовал в осмотре места происшествия, где видел только кровь и разбросанные фрагменты человеческой кожи. Кроме этого, он особо ничего примечательного не заметил — ни воронок от взрыва, ни поврежденных деревьев или машин. В сумке, которую пострадавший мужчина оставил на крыльце кафе, тоже ничего подозрительного не было.

Далее в судебном заседании была допрошена майор полиции Анжелика Балакина-Кочеткова, старший дознаватель отдела дознания отдела полиции № 5 по городу Нижнему Новгороду. Она являлась страшим дознавателем оперативно-следственной группы по уголовному делу по ч. 1 ст. 222 УК РФ «Незаконные хранение, перевозка или ношение боеприпасов» в отношении Ильи Романова до передачи следователю УФСБ. Нужно отметить, что из показания этой свидетельницы обстоятельства дела установить весьма сложно, потому что на большинство вопросов стороны защиты ее ответы были таковы: «Не помню, не знаю, не могу пояснить».

Илья Романов считает, что к ее показаниям стоит отнестись критически, потому что у свидетельницы вряд ли имеется личная неприязнь по отношению к нему, но есть служебная заинтересованность доказать, что расследование велось ею без нарушений, однако нарушения присутствовали, причем существенные.

До начала допроса адвокат подсудимого Евгений Губин заявил ходатайство об оглашении протоколов обысков 26 октября 2013 года по месту проживания Ильи Романова и в съемной квартире, где он жил незадолго до случившегося. Прокурор Алексей Езерский также посчитал, что их стоит огласить. Оказывается, что важнейшие материалы по делу были составлены таким образом, что в ходе предварительного следствия адвокат не мог их расшифровать, а в ходе предыдущего судебного заседания это не удалось ни прокурору, ни суду. Да и сама свидетельница читала свои записи с большим трудом.

В соответствии с протоколом обыска места жительства Романова, там были изъяты ноутбук, листовки «экстремистского содержания», литература «экстремистской направленности», тетради с личными записями анархиста, листы с выписками на испанском языке, а также две некие баночки, в одной из которых был осадок белого цвета, идентифицированный экспертом-взрывотехником как взрывчатое вещество. Больше никаких взрывчатых веществ и взрывных устройств ни в квартире, ни в сарае рядом с домом обнаружено не было.

В соответствии с протоколом обыска съемной квартиры, там также была изъята литература «экстремистского содержания», а еще системный блок компьютера, нож с лезвием длиной 7 сантиметров, спички и спичечные коробки, пищевая сода, резиновый клей, прозрачный скотч, пакет с алюминиевой пудрой, глицерин, марганцовка, ацетон, вата, пластмассовые трубочки для питья напитков, бутылка с электролитом, пузырек с жидкостью коричневого цвета, банка с порошком белого цвета, флакон с жидкостью серого цвета, пузырек с прикрепленной к нему трубочкой и жидкостью белого цвета внутри. Это-то вещество белого цвета и было признано начальником взрывотехнической группы ФСБ Кирсановым взрывчатым веществом, а пузырек

с трубочкой и флакон — взрывными устройствами. При этом стоит отметить, что собака при осмотре помещения на нахождение там взрывчатых веществ реакции не дала. Кроме того, якобы были обнаружены и изъяты фрагменты 53 «покусанных» гвоздей, которые Романов, по версии следствия, планировал использовать как поражающие элементы для взрывного устройства.

В ходе допроса дознавательницы выяснилось, что при обоих обысках присутствовала некий специалист Орлова, которая не была внесена в протоколы и не расписывалась там, а сама свидетельница не могла пояснить, в какой области эта Орлова является специалистом. Балакина-Кочеткова сказала, что просто забыла внести ее оба раза в протокол. Зато она взяла с Орловой расписку об ее обязанностях в ходе обыска и об уголовной ответственности, но пояснить суду по поводу чего может наступить эта ответственность не смогла.

Далее выяснилось, что об экстремистской направленности изъятой литературы, оказывается, свидетельствовали названия книг, например, слово «паника» в одном их названий. Свидетельница заявила, что может определить, является ли книга экстремистской, даже не читая ее.

После того свидетельница сказала, что на протяжении всего обыска на съемной квартире ни она, ни понятые помещения не покидали. Но при оглашении протокола ее допроса следователем ФСБ выяснилось, что и она сама, и понятые в какой-то момент покинули квартиру, в то время как там остался один сотрудник ФСБ Кирсанов и пробыл более 30 минут. Никто не видел, что все это время он там делал.

Также майор полиции не смогла вспомнить, кто и где именно нашел «перекусанные» гвозди. Не смогла она пояснить, почему гвозди отсутствуют на фототаблице в материалах дела, хотя была проведена фотосъемка всех

изымаемых в ходе обыска предметов. Почему она не сфотографировала их при осмотре в отделе, также не вспомнила. Стоит заметить, что в протоколе обыска не было отражено, как эти гвозди упаковывались, подпись понятых на них также отсутствовала. Кроме прочего, свидетельница не могла вспомнить, какая именно часть гвоздей была обнаружена — штыри или шляпки, хотя перед этим утверждала, что сама их пересчитывала, при этом у них отсутствовали головки.

Не смогла свидетельница вспомнить, работал или нет компьютер, на котором впоследствии был обнаружен документ с угрозой взорвать руководителей города и области, если они не прекратят вырубку парков, создание которого приписывается Романову. Как упаковывался и опечатывался указанный системный блок, она также не вспомнила.

Подвела память свидетельницу и тогда, когда сторона защиты поинтересовалась, зачем выносилось повторное постановление об обыске на съемной квартире. На вопрос, не теряла ли она случаем первоначальное постановление, свидетельница уверенно ответила, что ничего не теряла. Также она не смогла вспомнить, кто такой компьютерный эксперт Туренко и зачем он предоставлял ей две экспертизы исследования изъятого системного блока, но точно не по причине потери первоначальной экспертизы. Однако в показаниях компьютерного эксперта Туренко говорится, что второе постановление было вынесено как раз по причине утери первого.

Не помнила Балакина-Кочеткова и охраны из сотрудников полиции, которую выставила в больнице, чтобы Илья Романов не мог скрыться. Хотя факт присутствия полицейских подтвердил в предыдущем судебном заседании свидетель Сергей Будников, врач-травматолог больницы, куда был госпитализирован анархист. Кроме

того, присутствие сотрудников полиции было зафиксировано телерепортажами журналистов.

По поводу вывоза Ильи Романова из СИЗО в Центр по противодействию экстремизму его сотрудниками, свидетельница пояснила, что, может быть, и вывозили, может быть, и выносила постановление об этапировании, но чем аргументировали сотрудники ЦПЭ необходимость допроса там, так вспомнить и не смогла.

Далее Балакина-Кочеткова уже открыто солгала — она заявила, что допрашивала мать Ильи Романова Ирину Николаевну у себя в кабинете, разъяснив ей все ее права. Сама же Ирина Николаевна в судебном заседании уже показала, что ее допрашивали на кухне, сразу после обыска, очень спешно, ничего не объясняя, чем ввели в полное замешательство. В результате Балакиной-Кочетковой пришлось все же подтвердить, что допрос проводился на кухне.

После этого свидетельница заявила, что при обыске в съемной квартире она осматривала все три комнаты помещения. Хотя до этого риелтор Олег Чижевский, допрошенный в судебном заседании в качестве свидетеля, пояснил суду, что подсудимый мог бывать лишь в одной комнате, потому что две другие были заперты, и когда он после проведенного сотрудниками полиции обыска посетил квартиру, комнаты также оставались запертыми. На пояснение адвоката подсудимого суду по этому поводу, Балакина-Кочеткова сказала, что и те две комнаты были открыты, и в одной из них она нашла пузырек с прикрепленной к нему трубкой.

В довершении всего, на вопрос подсудимого, что именно направлялось на исследование: пузырек с трубкой, изъятый в ходе обыска, или некая бутылка с трубкой, как то указано в документах, свидетельница также не смогла пояснить. «Может, техническая ошибка?», — обратилась она с вопросом к неопределенному кругу лиц.

Дело Ильи Романова

13 16